

Допросъ плѣнного нѣмца. Картина И. Владимірова.

Войдя въ полосу пулеметного обстрѣла, они надолго залегли. Музыка давно перестала играть. Тѣ, кому она играла, вѣроятно, давно уже погибли или отглажали воздухъ мучительными стонами. Впереди все поле казалось мѣстами свѣтло-зелеными отъ лежащей кучами одежды защитного цвѣта. Но въ душѣ еще жили обрывки музыкальныхъ фразъ.

Потомъ приказано было встать и бѣжать. Было хорошо знакомое ему состояніе легкости и безответственности. Андрей не удивился, почувствовавъ вскорѣ, что онъ одинъ,—во время атаки это бываетъ часто,—какъ не удивился онъ и тому, что увидѣлъ Костю, который тоже шелъ зачѣмъ-то къ нему навстрѣчу, неизвестно улыбаясь. Это значило просто, что ихъ люди перемѣшились между собой. Въ это время въ направлениі города послышались перекаты „ура“. Что-то подняло Андрея на воздухъ.

„Значить, я живъ“, — подумалъ онъ.

Онъ стоялъ, опершись о крыльцо халупы. Его непріятно тошило.

„Развѣ здѣсь была халупа?“ — удивился онъ.

И тотчасъ въ десяти шагахъ отъ себя увидѣлъ неподвижно лежащаго Костю со спокойно оскаленными зубами. Три или четыре десятка низкихъ чиновъ жались у халупы.

— Страшно, баринъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ, называя его „баринъ“, а не „ваše благородіе“.

Эти люди, кажется, перестали себя чувствовать солдатами: самое опасное на войнѣ. Андрей выругать солдата, назвавшаго его бариномъ, и тотчасъ же принять надъ ними командованіе. Онъ прекрасно понималъ, что полуразнесенная халупа предсталяетъ хорошее временное прикрытие, и, если онъ поколеблется хоть одинъ моментъ, то уже никогда не выйдетъ въ открытое поле. То же чувствовали, очевидно, и низкие чины.

Скомандовавъ: „впередъ, за мной!“, Андрей побѣжалъ по болоту. Здѣсь былъ сильный пулеметный обстрѣль, но его занимало не это обстоятельство, а то, добѣжть ли онъ до края болота. Можетъ быть даже, если бы не это смѣшное обстоятельство, онъ бы не добѣжалъ и повернулся назадъ. Ржавая вода выступала вокругъ слѣдовъ и звонко чмокала. Надо было выбирать пни и кочки. Когда они добѣжали до пустыхъ окоповъ противника, ихъ было немногимъ болѣе десятка.

Притаившись, залегли и стали ждать. Канонада слышалась гдѣ-то въ отдаленіи. Даже не было близко ложившихся вражескихъ снарядовъ. Вдругъ сдавило со всѣхъ сторонъ сиротливое молчаніе. Ночь наступила непонятно быстро.

— Ваше благородіе, разрѣшите пойти напиться! — обратились къ нему нѣсколько солдатъ.

Онъ зналъ, что они не вернутся, а пойдутъ разыскивать каждый свою часть, но не могъ имъ отказать, потому что самъ испытывалъ полное равнодушіе ко всему отъ жажды. Кромѣ того, его удивлялъ темный, никѣмъ не занятый окопъ. Возможно, что австрійцы давно выбиты изъ селенія. Двое охотниковъ вызвались привести разведку. Онъ отпустилъ ихъ. Прождали ихъ долго, но не вернулся никто. Приказавъ низкимъ чинамъ оставаться, онъ пошелъ на разведку самъ.

Очевидно, они были у самого края городского предмѣстя. Но темнота была полна. Онъ долго двигался, крадучись, подъ окнами. Потомъ ему внезапно вспомнился убитый Костя, и въ первый разъ сдѣлалось страшно. Онъ почувствовалъ, что у него дрожитъ нижняя челюсть, но никакъ не могъ справиться съ нею.

— Какія глупости, — говорилъ онъ себѣ: — я проживу еще долго, долго. Если я остался живъ до сихъ поръ, это значитъ, что меня не убьютъ никогда. Это вѣрная примѣта. А вотъ Костя чувствовалъ, что будетъ убитъ, — и вотъ онъ убитъ. Это всегда такъ.

Но страхъ не проходилъ. Вдругъ показалось, что онъ чѣмъ-то чудовищно воюватъ противъ Кости, и что вся его жизнь до сихъ поръ была совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ должна была бы быть, какъ и жизнь вообще всѣхъ людей.

„Когда война кончится, — подумалъ онъ: — я постригусь въ монахи“. Но вспомнилась Женя и его прежнее непоколебимое рѣшеніе на ней жениться. Онъ сталъ думать о ней, стараясь отогнать безпричинный, нелѣпый страхъ. Но одиночество, неизвестность и темные халупы съ выбитыми стеклами продолжали вызывать въ немъ этотъ совершенно новый страхъ.

„Можетъ-быть, я буду сейчасъ убить... откуда-нибудь изъ-за угла“, — подумалъ онъ.

Вдругъ неожиданно его привлекъ тусклый свѣтъ въ одномъ изъ оконъ. Перебѣжалъ черезъ дорогу, онъ припалъ къ окну. Это были наши. Онъ узналъ знакомыя скучаstryя лица, милыя и сѣрыя отъ пота, пыли и дыма. Ай-ай-ай, какой же онъ трусь! Хотѣлось найти себѣ какую-нибудь отговорку. Ну, да это на него повлияла такимъ образомъ смерть Кости.

Радостно и съ громкимъ стукомъ, задѣвая за ступеньки шашкой, онъ побѣжалъ по крыльцу и вошелъ въ комнату съ низкимъ обклееннымъ потолкомъ и бѣлою широкою печью съ чернымъ маленькимъ очагомъ. Вокругъ на лавкахъ сидѣло около десятка низкихъ чиновъ, но никто изъ нихъ не пошевелился и даже не крикнулъ:

— Встать!

Это было похоже, пожалуй, на обрывокъ изъ сумбурнаго сна. И опять его охватилъ прежній страхъ, онъ хотѣлъ ихъ спросить, чтѣ они тутъ дѣлаютъ. Но одинъ изъ низкихъ чиновъ его предупредилъ. Неловко поднявшись съ мѣста и опасливо глядя на дверь, онъ сказалъ:

— Ваше благородіе, уходите отсюда. Здѣсь нехорошо.

Андрей все еще боялся понять.

— Тутъ по всей деревнѣ австріяки.

— Чѣмъ вы тутъ дѣлаете? — крикнулъ Андрей, придавая голосомъ смѣлости.

— Забрали насъ, — сказалъ одинъ изъ солдатъ нехотя и отулся.

Только сейчасъ Андрей увидѣлъ, что при нихъ нѣть въ

вокъ. Инстинктивно онъ подался назадъ въ дверь и стукнулся головою о притолоку. Дверь полуоткрылась, и онъ увидѣлъ при свѣтѣ фонаря, направленного на него, точно въ продолжающемся дурномъ снѣ, высокія австрійскія кепи.

— Halt! — услышалъ онъ по-нѣмецки и увидѣлъ грубо приставленное къ груди плоское лезвіе австрійского штыка.

Тотчасъ же дверь распахнулась шире, и нѣсколько наглыхъ рукъ схватили его за плечи и горло. Онъ поднялъ ногу и ударилъ кого-то въ грудь. Ему отвѣтили ударомъ между глазъ. Цѣпкая и отвратительная сила повисла на немъ, сдавивъ ему горло. Передъ глазами поплыли багрово-зеленые круги. Онъ слышалъ надъ собою злобный крикъ и ругательства. Зналь, что его повалили и топчутъ. Затылокъ уперся во что-то твердое, высокое и плоское. Потомъ пахнуло въ лицо холодомъ. Это выволокли на улицу. Андрей больше всего заботился о томъ, чтобы не отдаваться въ плѣнъ живымъ, но тяжелая клещи давали ему жизни и дыханія ровно настолько, чтобы онъ могъ немного дышать и немного жить. Позорно чувствовалъ, какъ отстегнули шашку и кобуру. Онъ былъ безъ фуражки, и избитая его голова болѣла въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пуговицы у ворота были оторваны.

„Значить, мы не взяли мѣстечка“, — сообразилъ онъ съ отчаяніемъ, и въ его незрячихъ глазахъ выступили слезы.

IX.

Въ это теплое апрѣльское утро Женя въ первый разъ увидѣла, что на клумбахъ расцвѣли синіе подснѣжники. Но она съ недоумѣніемъ скользнула по нимъ разсѣяннымъ взглядомъ. Было нелѣпо, что природа торжествовала весну. До сихъ поръ она больше замѣчала черные и блеклые цвѣта. Молодая зелень вызывала у нея слабое головокруженіе. Весенний прилетъ птицъ раздражалъ ее своей ненужностью. Это, конечно, былъ эгоизмъ: если бы Андрей былъ живъ, она была бы счастлива.

Ей хотѣлось желать, чтобы были счастливы, по крайней мѣрѣ, другіе. Но этого она не могла желать искренно. Почему тяжелый жребій палъ непремѣнно на нее? Она искала оправданій случившемуся. И когда думала о могилѣ Андрея въ имѣніи, возлѣ деревенской церковки, душа ея становилась немного строже, звуки города отдаленнѣе, и сердце начинало биться ровнѣе.

Она принесла изъ дома перочинный ножъ и нарѣзала большой букетъ подснѣжниковъ, чтобы сегодня же отвезти его на могилу. Ей было жалко срѣзанныхъ цвѣтовъ, и она спрашивала

На кавказскомъ фронѣ.

себя, въ самомъ ли дѣлѣ нужна покойникамъ такая жертва. Съ тѣхъ поръ, какъ Андрей былъ мертвъ, онъ сдѣлался въ ея мечтахъ немного жестокимъ и требовательнымъ. Одѣваясь вечеромъ, чтобы ити въ гости, она спрашивала себя, не оскорбить ли Андрея та или другая подробность ея туалета. Ей было сладостно отказываться за обѣдомъ отъ блюда, которымъ они любили вмѣстѣ. Иногда ей казалось, что онъ даже читаетъ самая ея мысли... Ловя себя на чѣмъ-нибудь дурномъ и черномъ, она часто говорила ему:

— Прости!

И на все это онъ имѣлъ неограниченное право потому, что онъ лежалъ тамъ, въ могилѣ, съ ея портретомъ на шеѣ. Она ревниво оставила его съ нимъ вмѣстѣ въ гробу. Сначала ей было немного жутко, когда ея портретъ засыпалъ землею, но она съ негодованіемъ отвергла свое мнительное чувство.

Постепенно Андрюша превратился для нея изъ живого и яркаго образа въ прочное и сильное ощущеніе, мистически окутавшее для нея всѣ ея дѣйствія и всѣ предметы, къ которымъ она прикасалась. Это наполняло ее гордостью.

Но сейчасъ ей было немного больно нести въ рукахъ столько срѣзанныхъ цвѣтовъ. Она подумала, что ей не слѣдовало опустошать весеннюю природу. Они оба должны посторониться и стать въ тѣнь. Пусть живутъ тѣ, къ которымъ милостива судьба. Глядя на цвѣты, она рѣшила, что это ея послѣдняя такая обильная жертва умершему. Ей больше слѣдуетъ заботиться о чистотѣ своихъ помысловъ. И она благодарна была сейчасъ Андрюшѣ за то, что за гробомъ, точно приказывая ей, онъ заботился о томъ,

На кавказскомъ фронѣ. Смотръ казачьихъ сѣделъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Лѣченіе больныхъ верблюдовъ.

чтобы она была лучше. Въ этомъ и былъ единственный смыслъ смерти дорогого существа.

Опять обрадованно вернувшись къ этимъ мыслямъ, она съ чуть влажными глазами поднималась по ступенькамъ террасы. Изъ комнаты вышелъ отецъ. Онъ держалъ въ рукахъ газету, и у него было сконфуженное лицо.

„Можетъ-быть, его опять представили къ наградѣ, или въ газетѣ напечатана пріятная для него корреспонденція,“ — подумала Женя.

Но онъ смотрѣлъ на нее такъ, точно извѣстіе относилось почему-то прямо къ ней.

— Понимаешь, — сказалъ онъ, и ей даже показалось, что онъ сдерживаетъ нехорошую улыбку: — это же невѣроятно (отецъ былъ съ юга и поэтому говорилъ „невѣроятно“ вместо „невѣро-ятно“)... Кого ты, пожалуйста, привезла съ собой изъ Галиціи? Я тебѣ говорю, что онъ живъ, и я всегда это думалъ, потому что нельзя рѣшать такие вопросы такъ по-бабски.

Онъ грузно и плотно сѣлъ въ плетеное кресло и прочиталъ:

„Спасшіеся изъ плѣна.—Въ К. явились поручикъ Василій Юрасовскій и прапорщикъ Андрей Холодковъ, бѣжавшіе изъ австрійского плѣна. Офицеры привели съ собою пять нижнихъ чиновъ. Они напали на австрійскую заставу, обезоружили ее и, переколовъ, продолжали свой путь, оказывая неоднократно вооруженное сопротивленіе. Всѣ живы и здоровы, кроме прапорщика Холодкова, который слегка раненъ въ ногу. Всѣ герои опять рвутся въ строй.“

Женя удивленно посмотрѣла на отца.

— Чѣмъ тутъ такого особен-наго? Обыкновенный однофа-милецъ.

— Странное было бы со-впаденіе, — сказалъ отецъ: — кроме того, Юрасовскій, это — поручикъ его полка.

Женя печально улыбалась. Она не хотѣла напомнить отцу о медальонѣ съ ея портретомъ.

— Я пойду, — сказала она тихо.

Какое нелѣпое происшествіе! Руки и ноги у нея внезапно наполнились тяжестью. Какъ легковѣренъ и наивенъ отецъ! Она вспомнила сцену въ далекой Галиціи, когда вырыли изъ земли тѣло Андрюши. Неужели она бы не узнала его тогда? Правда, она судила только по медальону. Она даже раскрыла его и видѣла свой портретъ, сохранившійся совершенно нетронутымъ, такъ что было даже страшно. Какія могутъ быть сомнѣнія?

Она даже не отложила своего намѣренія пойхать на могилу и положить цветы. Но отецъ отказался дать лошадь.

Онъ кричалъ, что это чортъ знаеть что такое. Мать смотрѣла на нее вопросительно, боясь высказать свое сужденіе.

Вечеромъ, когда Женя ложилась спать, она вошла къ ней въ комнату.

— Да, конечно, этотъ медальонъ! — сказала она. — Вѣдь невозможно допустить, что почему-нибудь...

— Ну, конечно же! — рѣзко вырвалось у Жени.

Помолчавъ, она обиженно прибавила:

— Папа такъ иногда бываетъ грубъ къ чужимъ переживаніямъ.

— Да, конечно, это было бы непонятно, — сказала наконецъ мать послѣ долгаго молчанія, тихо встала и вышла.

На столѣ, въ полоскательной чашкѣ, синѣли подснѣжники, — первые цветы весны, не имѣющіе запаха, молчаливый привѣтъ изъ царства мертвыхъ живымъ, собирающимся продолжать жить.

X.

Нѣсколько послѣдующихъ дней отецъ продолжалъ бушевать. Онъ собственноручно вычеркнулъ Андрея изъ поминальника, а о погребенномъ на кладбищѣ говорилъ „этотъ“, отправилъ письмо на эвакуаціонный пунктъ для раненыхъ офицеровъ. Но оттуда пришелъ отвѣтъ, что свѣдѣній объ Андреѣ Холодковѣ пока не имѣется.

Все это раздражало и мучило Женю. Цветы она все-таки упрямо отвезла на могилу, но даже ей могила показалась слегка враждебною, чужою. Она испугалась того, что оскорбила въ мысляхъ Андрея, и тотчасъ же попросила у него прощенія. Какъ это можно было допустить, чтобы онъ отдалъ кому-нибудь другому ея портретъ?

„Ну, а если онъ все-таки отдалъ? — тайно отъ себя самой спрашивала она себя. — Если онъ подарилъ или далъ поносить кому-нибудь просто такъ, изъ баловства?“

Мысль казалась слишкомъ оскорбительной и нелѣпой.

Значитъ, она предпочла бы, чтобы онъ лучше былъ мертвъ?

Отъ подобныхъ глупыхъ выводовъ дѣжалось еще мучительнѣе, и она громко спорила съ отцомъ и сердилась на него.

— Ужасная, подумаешь, вѣщь медальонъ! — кричалъ онъ. — Помѣшились вы всѣ на вашемъ медальонѣ. Чѣмъ же тебѣ медальонъ и свое самолюбіе дороже человѣка?

На кавказскомъ фронтѣ. Чайная Красного Креста на передовыхъ позиціяхъ за линіей вѣчныхъ снѣговъ.

— Ахъ, не то, — говорила Женя: — ты не понимаешь, что этого невозможно допустить. Есть вещи... ну, совершенно нелѣпья и невозможныя. Ну, объясни въ такомъ случаѣ мнѣ, какъ онъ могъ тогда попасть къ кому-нибудь другому на шею?

— Очень просто, — кричалъ отецъ: — какая не видаль! Просто понравился кому-нибудь портретъ хорошенькой барышни — выпросиль и надѣль.

— Странно.

— Ничего страннаго.

Но однажды произошло то, что обрушилось на голову Жени, какъ дикое и непоправимое несчастье. Да, она почувствовала это именно такъ. По виѣшней формѣ это было счастье. Вчера въ клубѣ былъ братъ поручика Юрасовскаго, который сказалъ, что лично видѣлъ Андрюшу въ Брянскѣ и даже игралъ съ нимъ на бильярдѣ. Андрюша уже телеграфировалъ матери, что ъдетъ, очень смѣялся тому, что его похоронили, и, узнавъ, что всему былъ причиной медальонъ, сказалъ:

— Ахъ, чортъ! Значить, это Константинъ.

Этотъ же братъ Юрасовскаго рассказалъ, что Андрюша проигралъ портретъ въ карты Костѣ Дерягину, отъ этого и произошла вся путаница.

И отецъ кричалъ и хохоталъ:

— Въ карты... въ карты...

Больше не было ничего особенного. Но эти слова, не живыя и странныя, какъ приговоръ, Женя выслушала молча и даже улыбнулась, потому что ей показалось, что окружающіе ждали отъ нея именно этой улыбки.

Атака казаковъ.

По фот. полковника Люде.

Она улыбнулась, потому что ей не хотелось показать своей души. И ее поздравляли. Ей говорили, что это необыкновенное счастье. Счастье, что убить Костя, а не Андрей. И что это такъ смѣшно, что Андрюша проигралъ въ карты ея портретъ.

— Въ карты... въ карты... — отчетливо-звонко стояло въ ушахъ.

И это было сначала такъ отвратительно, что нельзя было повѣрить.

Чтобы уйти отъ человѣческихъ голосовъ, она вышла въ садъ. Тамъ она сидѣла на скамеечкѣ, подъ готовой распуститься яблоней. Грудь ея странно дышала, такъ, какъ будто тамъ въ глубинѣ сломалось что-то маленькое и хрупкое. Ей

казалось, что Андрюши просто никогда не было. Можеть-быть, даже вообще она любила только Костю. Костю, котораго она оплакала, котораго похоронила, которому привозила на могилу цветы, который, вѣрный ей, носилъ ея портретъ на шеѣ.

Если бы она отдала свою привязанность тогда Костѣ, она бы продолжала сейчасъ тихо приносить ему цветы. Душа ея была бы наполнена тѣмъ же тихимъ и сладостнымъ покоемъ, какъ всѣ эти дни. Она нехорошо смѣялась, стараясь удержать улыбку, и оглядывалась по сторонамъ. Вѣдь это же почти сумасшествіе. „Его видѣли въ Брянскѣ играющимъ на бильярдѣ“, и общлага у него опять, навѣрное, въ мѣлу. И ея портретъ онъ проигралъ. Она должна сейчасъ всему этому радоваться. Вѣдь онъ же живъ. Чего же нужно болѣе? Онъ приѣдетъ, будетъ сидѣть и улыбаться. Это главное. Вѣдь они всѣ такъ веселы. Для нихъ самое главное, чтобы человѣкъ былъ живъ. Живъ толькъ,

На кавказскомъ фронѣ. Съ фуражомъ и дровами на выюкахъ.